

Экскурсия 6.

**Воспоминания о
детстве в Маршихе.**

(Владимир Елохин,

г. Владимир

13 января 2019 г.)

Когда я набрал на клавиатуре слово «Маршиха», включил поисковик, увидел карту, фотографии, прочитал всё, что было о Маршихе, послушал песни, всё это выдавило слезу, и я понял, что Маршиха и моя малая родина, хотя я родился в другой деревне Лебяжьевского района Курганской области. Мы с моей мамой переехали в Маршиху, точнее, не в Маршиху, а в Маршихинскую больницу, в 1943 году, а я родился в 1934 году, значит, на время переезда мне было уже девять лет и два класса школы. Я пошёл в третий класс Маршихинской школы. До Маршихи от нас было три километра. Мама работала поваром в больнице, а я ходил в школу пешком. Ходили вдвоём с мальчиком из нашего класса Витей Тютриным. Иногда один. Остальные шесть учеников ходили отдельно, они были старше нас и ходили быстрее. Виктор был сыном завхоза больницы, а это в таблице о рангах вторая величина по значимости после главврача. Главврачом была Галина Марковна Масловская — эвакуированная из Ленинграда. У неё было двое детей: Неля и Лёня. Они учились в нашей школе, но были старше меня.

Больница была расположена в живописном месте на берегу озера Водорезка.

На въезде были большие деревянные ворота. Ворота были, но ограды не было, калитка и коновязь для привязывания лошадей, на которых привозили больных. Недалеко от ворот находился деревянный дом, обшитый досками. Доски были покрашены в песочно-желтоватый цвет. Это была амбулатория — приёмный покой. Рядом большое кирпичное здание, побелённое известью, на высоком фундаменте с большими окнами, нижний край окна выше человеческого роста, с высокими потолками. Это был главный больничный корпус.

Сзади кирпичного здания инфекционное отделение — деревянный бревенчатый дом. В противоположную сторону от ворот большой двухэтажный деревянный жилой дом. Потом идут 10-12 одноэтажных домов, образуя улицу. Метров 100 от домов скотный двор: помещения для коров, лошадей, конюховка, где размещалась упряжь для лошадей и дежурили сменные конюхи. Пахотные земли для засева пшеницей, рожью овсом и т.д. коротко называли пашней. Были недалеко, километрах в двух от больницы.

В противоположную сторону от Маршихи. По дороге в Коновалово был лес-осинник, в котором собирали очень крупные ягоды костяники. Слева от осинника был мелкий березняк и родилось много груздей, обабков, т.е. белых, подберёзовиков и подосиновиков, волнушки и сыроежки. Справа от осинника была пашня.

Землю пахали двумя агрегатами: плугом однолемешным и двухпласткой. В плуг запрягали одну лошадь(, в двухпластку — две). За плугом надо было идти по борозде и, надавливая двумя руками на рукоятки плуга определять глубину вспашки. В двухпластку запрягали две лошади, а глубина вспашки определялась рычагом с фиксацией. Плугом пахали мелкие площади, например, огороды, а вся пахота проводилась двухпласткой.

На сенокос и на пашню ездили не в телеге, а в двуконной подводе, сбоку которой два ограничения из дерева, похожие на лестницы, шириной около метра, с расширением сверху, до половины в подводу накладывали сено, на сено усаживались люди, на сене было ехать мягко, не тряско, а ноги свешивались между поперечинами. Ехали на подводе обычно 10-12 женщин, и двое-трое мужчин-стариков.

На пашню ехали молча, это было близко, а на сенокос далеко километров восемь, и всегда пели. И как пели! Обычно на два голоса. Пели русские народные песни. С тех пор я их запомнил и полюбил. Мы, мальчики, ехали верхом то двое, то трое, а то и четверо, в зависимости от производственной необходимости.

Как только приезжали на место, два человека начинали варить обед. Варили три ведра. Суп, кашу и чай на травах.

Домой ехали тоже с песнями. Приезжали засветло. Все дома в посёлке были из добротных сосновых брёвен на кирпичном фундаменте. Поодаль от скотного двора была кузница и станок, чтобы подковывать лошадей. Ещё дальше, в пятистенном амбаре, размещалась электростанция. Электрогенератор с дизельным двигателем, такого я больше не встречал. Дизельный двигатель, разработанный, может быть, самим Альфредом Нобелем, работающий на чистой нефти. В двигателе не было системы зажигания. Он был одноцилиндровый. В головку цилиндра ставили зажжённую паяльную лампу и нагревали шар в головке докрасна. Открывали кран подачи нефти, и ногой на пол оборота раскручивали маховик, и двигатель начинал работать. Паяльную лампу убирали. Двигатель с генератором соединялся плоским ремнём. Во всех домах, и даже в коровниках и в стойлах для лошадей, был проведён электрический свет. Всё это было оборудовано, видимо, давно, может быть, при начале строительства больницы, в 1895 году.

Коровы, лошади, пашни, сенокос и люди по уходу — это было подсобное хозяйство для больницы. Молоко от коров и другие сельскохозяйственные продукты не сдавали государству, а это шло для питания больных. Работающие получали зарплату деньгами. Вокруг больничных корпусов, жилых домов от озера с одной стороны посёлка до другой стороны был вырыт глубокий ров, образуя (ограничивая?) поскотину, где паслись малые телята и спутанные лошади. Стадо коров гонял пастух далеко. Утром угонял, вечером пригонял.

Комбайнов не было. Пшеницу и другие зерновые культуры убирали лобогрейкой. В сенокосилку запрягали две лошади, а к сенокосному аппарату прикрепляли деревянные рейки. Когда на этих деревянных рейках накапливалось достаточно пшеницы, ржи, овса и т. д., что косили, лобогрейщик широкими граблями скидывал скошенные стебли на землю, на стерню.

Следом шли женщины и вязали снопы, которые ставили в суслоны колосьями вверх, чтобы зерно дозревало. Потом снопы укладывали в скирды. Скирды ставят возле молотилки. Привод молотилки от конной тяги. В деревянное крестообразное устройство запрягали лошадей в каждый конец креста. Лошади ходят по кругу и через шестерни крутят вал, который идёт к молотилке. Вот тут необходим детский труд. На спину каждой лошади сажают мальчика, и он управляет лошадыю: когда начинать движение, когда заканчивать. Нет смысла на лошадь сажать взрослого и возить его как дополнительный груз. Это устройство для скашивания и сбрасывания, чтобы вязать снопы, называют лобогрейкой, потому что при работе на нём всегда лоб покрывается потом.

Когда мы переехали в Маршихинскую больницу, местная электростанция не работала. Почти все мужики были на войне — некому было обслуживать. После окончания войны стали возвращаться и запустили собственную электростанцию.

Ещё одна работа, при которой взрослые не могли обойтись без участия детей, это сенокос. Сено косили не вручную, а на сенокосилке, это уж не лобогрейка. Деревянные полосы снимали, и скошенная трава ложилась ровным слоем там, где она росла. Дня за два трава высыхала, и её конными граблями сгребали в валки. Потом из валков сено надо было свозить в одно место, где мужики укладывали сено в стог, или, как говорят в Сибири, метали в зарод. Для этого срубали две

довольно пушистые берёзы, у комля толщиной в оглоблю. И в эти две берёзы запрягали лошадей. Вместо телеги сзади лошади были две берёзы-волокуши. На ветки с листьями накладывали копну сена довольно приличную, высотой с лошадь. И сидящий верхом на лошади мальчик, гордый тем, что он незаменим и помогает взрослым, везёт эту копну туда, где будет зарождаться стог, а правильное — зарод. Ему говорят, куда надо подъехать, и где остановиться. Одну волокушу вытаскивают в сторону, а возле другой ставят деревянные вилы черенком в землю, говорят мальчику, чтобы он отъехал, и копна остаётся на месте, а мальчик едет за следующей копной, верхом на лошади. Это — не тяжкий непосильный труд, а удовольствие, не то что в городских парках на бессмысленных каруселях. Мальчики тоже получали зарплату.

Через год, когда мне было уже десять лет, при отсутствии мужиков, кроме стариков и калек, я считал себя почти взрослым. Мне купили ружьё 20-го калибра, и не берданку, а переломку, что считалось высшим классом. Одноствольную, конечно. И немного припаса: гильзы, капсуля, дробь, порох. Пыжи делали сами, из бумаги. И ещё купили сеть-двухперстку. Ружьё и сеть купить было несложно: мужики были на войне, а в Сибири почти каждый мужик — и рыбак, и охотник. Озеро Водорезка в 15-20 метрах от дома, и у меня есть сеть и ружьё: так я стал рыбаком и охотником.

На берегу озера лодки три или четыре были прикованы и цепью закрыты на замок, но столько же было лодок и общего пользования, не прикованных. Не было у лодок только шестов. На вёслах у нас не ходили на рыбалку, неудобно ставить и снимать сети, а на охоту тем более на вёслах больше шума, чем с шестом. Сходил в лес, вырубил два шеста, высушил, отшкурил и повесил на свой дом на два больших вбитых гвоздя. Сеть ставил вечером, а утром снимал. Всё зависело от погоды. В плохую погоду рыба не ловится, или плохо ловится, и я сеть не ставил. Рыбачить приходилось раз пять в неделю. Самый маленький улов — это на одну уху. Самый

большой — ведро рыбы. В мою обязанность входило рыбу почистить. Если рыбы много, почистить для ухи, и чтобы пожарить, остальное распластать по хребту, посолить и повесить вялить — запас на зиму.

Но однажды с рыбалкой у меня случилось ЧП. С вечера погода была хорошая, а к утру поднялся ветер. Но сеть-то снимать надо! Сеть я снял, а пока снимал, меня с лодкой вынесло ветром далеко от камыша, а ветер дул от берега в сторону озера, шест перестал доставать дно, лодка стала неуправляемой. Меня понесло от берега к середине озера. Волны стали заплёскивать воду в лодку. В каждой лодке обычно был черпак, чтобы выплёскивать лишнюю воду за борт. Был и в этой лодке черпак, и я- то правил шестом, как веслом, чтобы волны били не в борт лодки, а в нос — так меньше захлёстывало воду. То старался управлять лодкой, а то вычерпывать воду черпаком. Меня вынесло на середину озера, волны стали крупнее, захлёстывало воды больше, приходилось чаще работать черпаком. И наконец, когда лодка вошла в камыши противоположного берега, лодка пошла ко дну из-за воды в лодке. Но мне было уже воды по грудь, я дотолкал лодку до берега, вычерпал всю воду, и за обрывок верёвки, которая крепилась к носу лодки, по мелководью вдоль берега потащил лодку к родному дому.

На охоту я ходил только осенью, и то редко: дробь было мало, и она нигде не продавалась. По одной утке не стрелял, а только когда рядом были три-четыре утки.

Зимой, когда была метель, и дорогу переметало, нас возили в школу на лошади, и обратно забирали, но это было редко, только в непогоду. Лошадей в хозяйстве было примерно десять-двенадцать. У каждой лошади была своя кличка. Была выездная лошадь, её звали Жанна. На работу её не брали, её запрягали для начальства в лёгкую коробушку на два человека, и впереди было место для кучера, тоже на два человека, но обычно кучер был один. Была низкорослая кобыла рыжей масти, её звали Кошка. Была самая рослая из всех, её звали Горбатой. На спине у неё была небольшая горбинка, но она была вполне здоровой рабочей лошадейю. Я постоянно работал и ездил на саврасом мерине, его звали Орлик. Он был высокий конь. Мы ездили, конечно, всегда без седел, поэтому стремян не было, и я по малолетству не мог на него сесть верхом. А Орлик был умный конь, он наклонял голову до земли, я закидывал ему на шею повод от узды, вставал на него левой ногой, он поднимал голову, и я правую ногу перекладывал ему за спину.

Однажды летом на сенокосе я возил на Орлике волокуши. Накатила туча, пошёл дождь с градом. Все быстро выпрягли своих коней, верхом галопом домой. А я никак не мог распрячь коня из волокуш. Развязал супонь, но гужи намокли, и я долго не мог их снять с дуги. Наконец лошадь выпряг, но долго провозился, сильно продрог. Потом на лошадь и тоже в деревню. Простыл сильно, и у меня началось, как потом сказали, двустороннее крупозное воспаление лёгких. Положили в больницу. Сильно болел. Помню, пил горькие жёлтые таблетки, назывались — акрихин. Пошёл я на поправку после того, как мне выписали каждый день по сто граммов сливок.

В школу мы ходили по дороге до МТС, потом почти под прямым углом поворачивали направо. Метров через пятьсот по обе стороны дороги попадались пять-шесть домов. Это были дома, которые тоже относились к Маршихе, но были расположены отдельно от остальных домов, и называли эту кучку домов «Одина».

Дома были, как и во всей деревне, деревянные, но один дом был глинобитный, из глины с соломой, с очень толстыми стенами в полметра, или даже больше. В этом доме жил примечательный человек, поэт. Рукописные стихи его ходили по всей деревне. Подписывался он под своими стихами «Егор Белый». Но Белый — это была скорее не фамилия, а псевдоним. Его волосы были совершенно белого цвета с небольшой желтизной. Ходили слухи, что настоящая его фамилия — Тюменцев, но в истинности этого утверждения я не уверен. Кое-какие отрывки его стихов я помню.

Светло озеро широко,

Переплыть его невмочь.

У Егора слёзно око:

Он хоронит свою дочь.

Или другое. У него, у Егора Белого, была какая-то тяжба с человеком по фамилии Лобов. Видимо, по поводу употребления горячительных напитков. Я помню такое четверостишие:

Есть в деревне нашей истина одна:

Больше Лобова никто не пьёт вина.

Его сумка комсоставская

Вся в блевотине истаскана.

Мы жили в доме типа общежития: коридор, из него двери в четыре комнаты. В одной из комнат жили три или четыре медсестры — девушки, работающие в больнице. Они, как и все, знали о Егоре Белом, и решили написать ему письмо. Ну, так, с целью подурачиться: якобы письмо от девушки, которой нравятся стихи Егора, ну и он сам. Писали коллективно. Послали почтой. Ответ тоже пришёл по почте, а так как они дурачились, то ответ читали вслух. Я запомнил начало письма Егора:

Конверт мухами засижен,

Капли извести на нём,

Но я на это не обижен,

Дальше лучше мы найдём.

Наша школа размещалась в красном кирпичном здании. Сохранилась фотография класса, не помню только, какой это класс, видимо, пятый, и даже на обороте моим ученическим почерком написаны фамилии учеников:

ФОТО

На фотографии, начиная с верхнего ряда, слева направо изображены: верхний ряд:

1. Абакумов А.А.
2. Павлов Н.
3. Елохин В.А., т.е., это я
4. Фёдоров Н.
5. Тютрин В.А.

второй ряд: 6. Никитина 7. Шишкоедов В. 8. Гилёв А. 9. Истомин А.Н. 10. Мокроусова К.И.

третий ряд: 11. девочка, которую я не помню 12. преподаватель математики и физики, фамилии не помню, строгий, но справедливый, не улыбочивый 13. Не помню, как звали, отчество – Григорьевна. С лицом, похожим на Исаака Ньютона. Её предмет – русский язык и литература. Преподавала она недолго. После неё до конца седьмого класса литературу нам преподавала какая-то из эвакуированных, потому что она говорила с каким-то акцентом, и это отличало её от всех в Маршихе. Она была беззаветно предана литературе. После уроков оставляла желающих и читала нам вслух книги. Оставалось из класса на слушания человек шесть. Книги же тогда достать было трудно. Я помню, она читала нам «Два капитана», «Повесть о настоящем человеке», читала Тютчева, Фета. У меня к ней была особая привязанность, она давала мне читать свои личные книги, и для обмена на другую книгу разрешала приходить домой. Дома я видел старшую по возрасту женщину, видимо, маму, и маленького, ещё не твёрдо ходящего сына.

14. Директор школы был казах, звали мы его Михаил Иванович. Было ли у него казахское имя, не знаю. Был добрейшей души человек. Преподавал он нам историю. 15. Надежда Яковлевна, но я не уверен. Читала нам Ботанику, Зоологию. Мягкая, чуткая, отлично знала свой предмет. 16. и 17. Две девочки, которых я не помню.

Четвёртый ряд 18. Стенникова А.И. 19. Стенникова М.В. 20. Маслова Л. 21. Максимова Е. 22. Михалёва Ф.Л. 23. Грачёва С.Р.

В нижнем ряду третья слева — Маслова; девушка, на которой я должен был жениться. У нас был физрук, он же — военрук. Раненый офицер. На уроках физкультуры мы играли в городки. Я неудачно бросил биту, или, как у нас говорили, шаровку, она отскочила от городошной чурочки и попала в ногу Масловой. Ей, конечно, было больно, и она захромала. А физрук сказал мне: ну вот, покалечил девушку, теперь придётся на ней жениться. Я согласился. На второй день она уже не хромала, но я ещё неделю считал, что это будущая моя жена. Примерно через неделю я сказал об этом маме:

— Есть девочка в нашем классе, на которой я должен жениться.

— Почему именно на ней? — спросила мама. Я ей рассказал про то, что было на уроке физкультуры.

— Да ваш физрук пошутил! — сказала мама. И я снял с себя обязательство по поводу женитьбы. Из класса я дружил с Витей Тютриным, т.к. жили рядом и вместе ходили в школу. Но лучшим другом моим был Толя Истомина. Я бывал у него дома. Иногда мы вместе ходили на охоту. И переписывались долго, когда он жил уже не в Маршихе, а в городе Ижевске. Потом, когда я учился в Челябинске в институте, он служил в армии в авиации в г. Шауляй (Литва).

Клавдию Мокроусову я встречал в городе Златоусте. В институте я во время каникул работал инструктором по туризму. Водил группы человек по 10-15, в основном тоже студентов. Часто были москвичи. Ходили по Южному Уралу: летом пешком, зимой — на лыжах. Обычно маршрут начинался в городе Миасс, и проходил по горам, с заходом в город Златоуст. Встретил я её на танцплощадке вечером. Это был вечер воспоминаний.

Интересно, живёт ли сейчас в Маршихе кто-нибудь из тех, с кем я учился, или их родственники, потомки? Мне бы очень хотелось посмотреть на те места, где была наша Маршихинская больница. Сохранились ли дома? Живут ли сейчас там люди? Летом 1949 года мы снова переехали в то село, где я родился: Баксарский совхоз, где жили мои дедушка и бабушка. Я закончил 10 классов и поступил в Челябинский Институт Механизации и Электрификации Сельского Хозяйства, ЧИМЭСХ. На втором курсе института, когда я завалил «теоретическую механику», написались такие стихи:

Подруга жизни сытой,

Стипендия моя,

Фортуною забытый,

Тебя лишился я.

Но всё оказалось не так плохо. Сколотилась бригада, мы ходили разгружать вагоны. Денег было больше, чем со стипендией. Я обновил свой гардероб, купил фотоаппарат. На четвёртом курсе на нашем факультете училось примерно 100-110 человек. Негласно и самодеятельно был объявлен конкурс на самую лучшую эпиграмму самой красивой студентке на курсе нашего факультета. Председателем жюри была эта самая девушка, Нелли Куликова. В конкурсе приняли участие восемь человек. Приз конкурса — поцелуй этой девушки. Первое место присудили за мои стихи. Расчёт был по-честному. Вот что тогда было написано:

Тонок твой стан, как церковная свечка,

Жаром любовным пылаешь, как печка.

На нежной шейке чудная головка.

Кокетлива, в делах любовных ловка.

Начитана, с претензией на ум.

Такая не полюбит наобум,

А выберет с расчётом и умело,

На жертву надвигаясь смело.

В себя влюбила хоккеиста,

Пред этим перебрал штук триста.

Может, эти писания — влияние творчества Егора Белого? А может, этот чудесный вальс о Маршихе и другие песни — тоже влияние Егора Белого? А, может, нет?

Ведь писал же Тютчев: Нам не дано предугадать,

Как наше слово отзовётся,

И нам сочувствие даётся,

Как нам даётся благодать.